

Романы о бандитской любви

ВЛАДИМИР
КОЛЫЧЕВ

ВОЛЧЬИ ЗАКОНЫ
ТАЙГИ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.
К60 Волчьи законы тайги / Владимир Колычев. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. —
(Колычев. Романы о бандитской любви).

ISBN 978-5-699-98095-6

В зимнем небе над сибирской тайгой взрывается вертолет. Неподалеку от места падения винтокрылой машины егерь Данила Качалов, бывший спецназовец, обнаруживает миловидную девушку по имени Лена. Спасаясь от волков, она взобралась на дерево. Оказав пострадавшей первую помощь, Данила отправляет ее домой в Москву... По весне Качалов находит в тайге принадлежащее Лене бриллиантовое кольцо, которое она потеряла, убегая от лесных хищников. Чтобы вернуть украшение владелице, Данила едет в Москву, но в поезде его обкрадывает юная воровка. Бросившись за ней в погоню, Качалов обнаруживает, что он не единственный, кто участвует в охоте на кольцо: одних привлекает его стоимость, и они готовы валить всех направо и налево, другие действуют более тонко — им нужна не сама драгоценность, а тайна, которая в ней скрыта...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98095-6

© Колычев В., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ГЛАВА 1

Зверь. Вожак. Его лютый оскал притягивал взгляд. Обычные стайные волки тоже могут угрожающе показывать зубы, но чувство неполной уверенности в себе заставляло их ширить губы и приспускать уши. А этот обнажал клыки, рычал, ничуть не сомневаясь в своей силе. И могучее поджарое тело напряжено как сжатая пружина, еще чуть-чуть, и оно распрямится в убийственном прыжке.

И взгляд у этого волка магический, угнетающе-завораживающий. Страшные желтые огоньки из глубин дикой природы, хищная мудрость многих и многих тысячелетий. Нужно самому быть волком, чтобы выдержать этот взгляд, не дрогнуть, не выдать предательского желания броситься наутек. Или таким же матерым охотником...

Данила-егерь неплохо разбирался в природе волков и точно знал, что эти звери не признают слабых. Они не уважают чужую силу, но боятся ее, считаются с ней. Разговаривать с ними можно, но только в штыки, и чтобы палец лежал на спусковом крючке.

Он опасался, но не боялся этого зверя. И даже залюбовался им. Великолепный экземпляр — крупный, килограммов шестьдесят живого веса; массивный широкий лоб, хищно заостренная морда, могучая шея, раз-

витая грудь, поджарое тело, сильные упругие ноги. мех пышный, серый, с ржаво-охристым оттенком. А этот зло-чарующий взгляд, а эта бурлящая агрессия в обманчивой неподвижности тела...

Вожак не улавливал страха стоящего перед ним человека, и это его сдерживало. А еще волка пугал карабин, с которым Данила управлялся так же легко, как если бы это была часть его тела, третья рука.

Но волк был очень зол и страшно голоден. Он понимал, что шансов у него мало, но ему очень хотелось есть. Морозы, глубокие снега, пустые леса — охоты никакой. Вот и приходится бросаться на людей... К тому же вожак не один, с ним вся стая, такая же голодная и злая. Это Данила волк-одиночка, и не всем ясно, что шутки с ним плохи...

Еще вчера поступил сигнал, что где-то в этих местах разбился вертолет. В тот же день Данила вышел на маршрут, но только сегодня встретил живого человека. Он сидел на ветвях большой раскидистой сосны, руками обхватив ствол. Вернее, сидела, поскольку это была девушка — и, судя по всему, очень аппетитная на вид. Не зря же вокруг нее собралась целая стая волков. Звери терпеливо ждали, когда жертва ослабнет и сама свалится с дерева им на поживу.

Сначала Данила учуял запах волков. Само по себе это могло значить, что если стая охотится, то на кого-то другого. Если бы волки выбрали его жертвой, они бы подкрадывались к нему с той стороны, куда дул ветер. А их вниманием владело что-то иное. Он успокоил свою Весту, заставил ее идти позади себя. Они крались по заснеженной тайге, пока не вышли на поляну, посреди которой и возвышалась облюбованная девушкой сосна.

Бедняжка смотрела на егеря и с надеждой, и с отчаянием. Она не очень верила, что Данила в одиночку сможет справиться с волчьей стаей. Сначала они сожрут его, а потом дождутся, когда она спелым яблочком упадет к их ногам. И еще она очень замерзла. Лицо белое, ни кровинки в нем. Вроде бы шуба на ней песцовая, и шапочка тоже меховая. Но сапожки — изящные ботфорты на золоченой шпильке. Лучшей обуви для зимней тайги не сыскать...

— Уходи, серый! — тихо, с чувством превосходства сказал Данила. — Давай, давай!

Волк зарычал громче прежнего, но губы его вдруг растянулись, и уши немного поникли. Похоже, он признал чужую силу.

Но его подопечные уже вступили в игру против Данилы. Они медленно, чуть ли не ползком, обходили его по кругу. И если они обложат со всех сторон, то и карабин может не спасти.

— Уводи стаю, серый! Не буди лиха!

Данила смотрел вожаку в глаза, но периферийным зрением отслеживал передвижения его сородичей. Вот молодой переярок с черной меховой полосой по хребту первым пересек опасную черту, за которую Данила никак не мог его выпустить.

Он продолжал смотреть на вожака, сдерживая его взглядом, но ствол карабина быстро переместился влево, в сторону резвого смельчака. Звонкий раскатистый выстрел встряхнул тишину, сбивая снег с еловых и сосновых веток. Переярок с визгом закрутился вокруг своей оси: языком пытался дотянуться до раны, чтобы залезть боль.

Вожак встал на дыбы, будто собирался броситься на охотника, но вектор напряжения его двигательных мышц определенно указывал в обратную сторону: волк

знал, с кем имеет дело. А тем временем другой его соплеменник продолжил движение и перекинул свое тело через опасную черту справа от Данилы. И снова раздался выстрел. На этот раз пуля вошла зверю в ухо, заставив его биться в предсмертной агонии.

Матерый волк дрогнул; поджав хвост, подался назад. Отступили и его подопечные. Они пятились задом, пока их полукруг не выпрямился в ровную цепь. А затем, развернувшись, бросились в лес. Вожак показал свой хвост последним.

Веста с лаем бросилась к затихшему переярку, а Данила направился к вечнозеленому прибежищу продрогшей девушки.

— Ну, давайте знакомиться? — встав под деревом, широко улыбнулся он.

Ответ она отстучала зубами. Он знал азбуку Морзе, но это был какой-то другой язык. И все равно Данила его понял. Девушка радовалась спасению и совсем не прочь была с ним познакомиться, но сначала он должен был снять ее с дерева, потому как без посторонней помощи она могла приземлиться неправильно, вниз головой.

Пришлось Даниле скинуть куртку и полезть на сосну, чтобы снять с нее меховую, пахнущую французским парфюмом «шишку». Девушка судорожно обвила руками его шею, повисла на ней. Тело ее занемело, ноги, казалось, отнялись — ему пришлось поднатужиться, чтобы сдернуть беднягу с ветки. А когда он стал спускаться вниз, она вдруг разжала руки.

Данила попытался поймать ее за талию, но из-за шубы она заскользила, и хорошо, что Данила смог удержать девушку за подмышки... Впрочем, земля, как минимум, на метр была покрыта снегом, и это могло бы обеспечить ей мягкую посадку. Как бы то ни было, он

удержался от искушения ослабить хватку и отправить девушку в свободный полет. Ободрал руки, щеку, но все же спустился с дерева вместе с ней.

Он уложил ее прямо на снег, обмотал ноги своей курткой. Достал из рюкзака солдатскую плащ-палатку, постелил на снег, уложил на нее девушку.

— Сейчас, сейчас!

С дровами было похуже: валежник засыпан снегом, а свежие ветви на растопку годились плохо. Но его выручила умная лайка. Он объяснил ей, что хочет развести костер, и Веста бросилась в лес. Она искала сухие, недавно сброшенные деревьями ветки, а он полез на дерево и срубил с него сначала один толстый сук, затем другой.

Это был не самый лучший материал для костра. Куда лучше подошла бы береза или осина, но в тайге ничего такого не было. Зато нашлась сухая сосновая ветка, которую Веста притащила в зубах. В рюкзаке у Данилы были охотничьи спички, сухой спирт. Хворост взялся огоньком весело, с треском, а свежие ветки слезоточиво задымили, брызгливо зашипели. Но лучше что-то, чем ничего.

Был у него и обычный спирт. Пшеничный сертификат, девяносто градусов. И пластиковый стаканчик — все, как у цивилизованных людей. Он налил девушке граммов пятьдесят.

— Это внутрь. Только осторожно.

Она мотнула головой. Дескать, чего бояться. Трясущейся рукой взяла стаканчик, но удержать его не смогла. Данила поймал его на лету, сам поднес ей к губам.

Девушка выпила. Глаза потрясенно расширились, рот беспомощно раскрылся, из груди вырвался хрип недоумения.

— Ничего себе!

— Ну, вот и голос прорезался! — засмеялся он.

— Ноги... Мои ноги...

— Да уж, догадываюсь, — кивнул.

Ноги у нее замерзли, опухли — ему пришлось прибегнуть к помощи охотничьего ножа, чтобы сделать на сапогах надрезы ниже линии «молнии».

— Что вы делаете? — запоздало и с признаками обреченности в голосе спросила девушка.

Он не стал развивать предложенную ею тему.

— Кстати, меня Данила зовут, — отбросив за спину первый сапог, сказал он.

— Я спрашиваю, что вы делаете?

И второй сапог отлетел в сторону. Данила обмотал курткой одну ногу, а вторую взял в залитую спиртом ладонь.

— А вас как зовут, если не секрет? — растирая ступню, бодро спросил он.

— А если секрет?

— Тогда я тоже буду играть в секреты, — пожал он плечами.

Он молча растер одну ступню, достал из рюкзака пару шерстяных носков грубой вязки, один надел на разогретую ногу. То же самое, ничего не говоря, проделал и со второй ступней.

— Это и все? — спросила девушка.

Данила приподнял низкие боковины ее меховой шапочки. С ушами вроде бы все в порядке. Щеки очень бледные, их тоже нужно бы растереть, но без спирта. Он взялся за дело, но девушке это не понравилось, и она мотнула головой. Уговаривать он ее не стал.

Он снова полез в свой рюкзак, полный бесценных для выживания вещей. Можно было бы вскипятить чай на костре, но с примусом гораздо удобней и быстрее.

А воды вокруг полно — бери снег, заталкивай его в кружку и ставь на огонь.

— Так и будете молчать? — спросила девушка.

Данила молча кивнул.

— Лена меня зовут.

— Ну и что здесь секретного? Или повредничать захотелось?

— Может, и захотелось.

— Жаль. С таким настроением, как у вас, в душу к вам не залезешь.

— В душу? Это в каком таком смысле?

— В прямом. Душу вам нужно растереть. То есть грудь...

— А грудь у меня не замерзла, — возмущенно посмотрела на него Лена.

— Все равно нужно. Чтобы воспаления легких не было. Ноги в тепле, грудь в жиру, внутри горячий чай...

— У меня нет жира, — смягчившись, улыбнулась она. — Я спортом занимаюсь.

— Таежное троеборье. Полет на вертолете, бег от волков, лазанье по деревьям, так? Или я что-то упустил?

Данила с интересом смотрел на девушку. Что ни говори, а она была хороша собой. Мелкие вьющиеся светло-русые волосы, волнующие черты лица, губы, с которых бы медку испить. И глаза — окно в глубокое синее небо под ярким солнцем. Туманная серая облачность над головой, мороз, но, глядя в эти глаза, можно было представить себя под высоким и теплым небом далекого Сочи. Даниле даже показалось, будто вместо ветра в ушах он слышит шум прибойной волны.

Она, казалось, почувствовала к себе интерес, сама окатила парня теплым, оценивающим взглядом. Даже какая-то искорка вспыхнула в ее глазах, но тут же погасла — будто морозный ветер ее потушил. И, правда,

не время сейчас для романтических чувств. Стужа, метель поднимается, а где-то недалеко злятся волки. Веста принесла еще одну ветку, но больше в лес не пошла: учуяла серую породу. Возвращается стая, хотя бы для того, чтобы сожрать своих павших сородичей. Голод иногда оказывается сильнее инстинктов, и тогда благородный волк может превратиться в подлого шакала...

— Ты про вертолет откуда знаешь? — на «ты» перешла Лена.

— Ну как же, по радио передавали. Я егеря, меня начальство сюда направило, вас искать... Остальные где?

— Какие остальные? Я одна осталась... Он меня, гад, высадил! — Ее слова прозвучали всплеском гневных эмоций.

— Кто — он?

— Да не важно... Он, правда, за мной сразу вернулся. Ну, почти сразу. Сижу, как дура, на снегу, слезы в три ручья, слышу, лопасти стучат. Обратно летят, за мной... А потом так шарахнуло, что не плачь девчонка. Хвост в одну сторону, кабина в другую, пропеллер вообще куда-то вверх...

— Далеко отсюда?

— Да не очень... Ну, сколько я шла, часа три-четыре, а потом эти твари. Даже не помню, как на дереве оказалась. Всю ночь просидела... У тебя чай закипает!

Данила снял кружку с огня, бросил в нее чайный пакетик, пару кусочков сахара.

Лена не стала дожидаться, когда напиток остынет. Схватила кружку двумя руками, обожгла себе ладони, но лишь крепче сжала ее. И с такой жадностью набросилась на кипяток, что Даниле вдруг стало завидно.

— Хорошо-то как! — оторвавшись от кружки, в блаженстве протянула она.

Глазки заблестели, щечки порозовели. Данила снова залюбовался девушкой. Но сам же себя и одернул.

— Хорошо или нет, а нам уходить надо. Ветер поднимается, вьюга наметет.

— А далеко идти?

— Лучше не спрашивай...

Начальство давно уже обещало унитарный снегоход, но до сих пор он ходил по тайге на лыжах. Данилу это, в общем-то, устраивало, но было бы лучше, если бы под ним был сейчас мощный мотор, который мог бы, как тот Боливар, вынести двоих — и его, и Лену. Веста бегаёт прилично и на своих четырех...

Но не было у него машины, а девушка не могла передвигаться самостоятельно: и с ногами у нее беда, и лыж нет. Впрочем, Данила не терялся — срубил две длинные ветки, обстрогал, натер жиром как полозья, уложил на них поперек сосновые лапы, сверху накрыл плащ-палаткой, привязал к этим самодельным саням веревку.

Куртка у него легкая и очень теплая, но ею пришлось пожертвовать, чтобы обогреть девичьи ноги. Остался в одном пуховом свитере. А лишняя нагрузка на сильные мужские плечи послужила хорошим подспорьем для разогрева мышц. Прошел в упряжке несколько километров, и даже захотелось избавиться от свитера. И поднимающаяся вьюга вроде бы нипочем. Но к финишу он пришел едва живой от усталости.

ГЛАВА 2

Бревенчатый домик на лесной поляне обещал тепло и уют, что придало ему сил. А когда он привел девушку в дом и уложил ее на кровать, едва удержался от соблаз-

на лечь рядом — и вождение здесь ни при чем, просто валился с ног.

— Здесь ты и живешь? — спросила Лена, с интересом, но без всякого восторга осматривая его хижину.

Ее радовало, что здесь относительно тепло и нет изнуряющего ветра. Но внутреннее убранство, конечно же, не впечатляло. Темные бревенчатые стены, кирпичная печь в половину комнаты, дощатый стол, скамья, железная кровать с панцирной сеткой, допотопная радиостанция под образами. На фоне этой убогости медвежья шкура на полу могла показаться первобытной дикостью, но никак не элементом экзотического декора, к которому, возможно, привыкла девушка. Телевизор был, DVD-плеер, музыкальный центр, гитара... Но разве ж этим кого-то удивишь...

— Я привык, — пожал плечами Данила.

Да, стол и скамья сколочены грубо, из нетесаных досок, зато как основательно — хоть кувалдой по ним колоти, не размолоотишь. И сам дом стоял посреди леса капитально, как надежный форпост на пути к человеческой цивилизации. Печное тепло, суровый и здоровый уют.

— Мне нравится... — совсем неубедительно сказала она. — Только что-то не очень тепло.

— Лучше не очень тепло, чем просто холодно, — пытаюсь взбодриться, улыбнулся Данила. — Печь со вчерашнего не топилась. Сейчас исправим...

Он подошел к печной топке, открыл чугунную дверцу с дореволюционным клеймом-штампом демидовского завода.

— Главная заповедь одинокого егеря, — чиркнув спичкой, сказал он. — Уходя, оставляй в печи растопку. А потом уже гаси свет...

Холодно в доме, и каждая лишняя минута, бездарно

потраченная в борьбе за тепло домашнего очага, — чистой воды преступление. Но у него все готово — поднес к щепе зажженную спичку, и завихрился в печи огонек, облизнул сухие поленья. А в сених стоял большой дощатый короб с углем, скоро и он в топку пойдет. Тогда такой жар будет, что в одних трусах можно будет по дому ходить. Если, конечно, Лене это понравится. Что вряд ли.

— А ты одинокий?

— Да, как белый парус у Лермонтова.

— И Лермонтова знаешь.

— Да, забегал тут как-то, на медведя поохотиться звал...

— На этого, который у тебя под ногами?

Веселый изгиб ее губ показывал, что шутка принята.

— И на этого, и на другого.

— А стрелял ты?

— Да. В основном сигареты.

— У Лермонтова?

— А это ты спроси...

— У кого?

— У Пушкина!

— С тобой не соскучишься.

— А это вместо морфия.

— Ты что, по этому делу? — нахмурилась девушка.

— Да нет, морфий тебе нужен. Для обезболивания...

Он подсел к Лене, раскутал одну ногу, осмотрел, ощупал. Опухлость сошла, потемнения нет, и температура вроде бы нормальная.

— Зачем обезболивание? — встревоженно спросила она.

— А затем, что сапоги легкие носишь. Ноги себе отморозила...

— Сапоги не легкие, — беспокойно мотнула она головой. — мех там был...